

ГРИГ. ПЕТНИКОВ

К Н И Г А
ИЗБРАННЫХ
СТИХОТВОРЕНИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
У К Р А И Н

A570618

17-298-к.и.

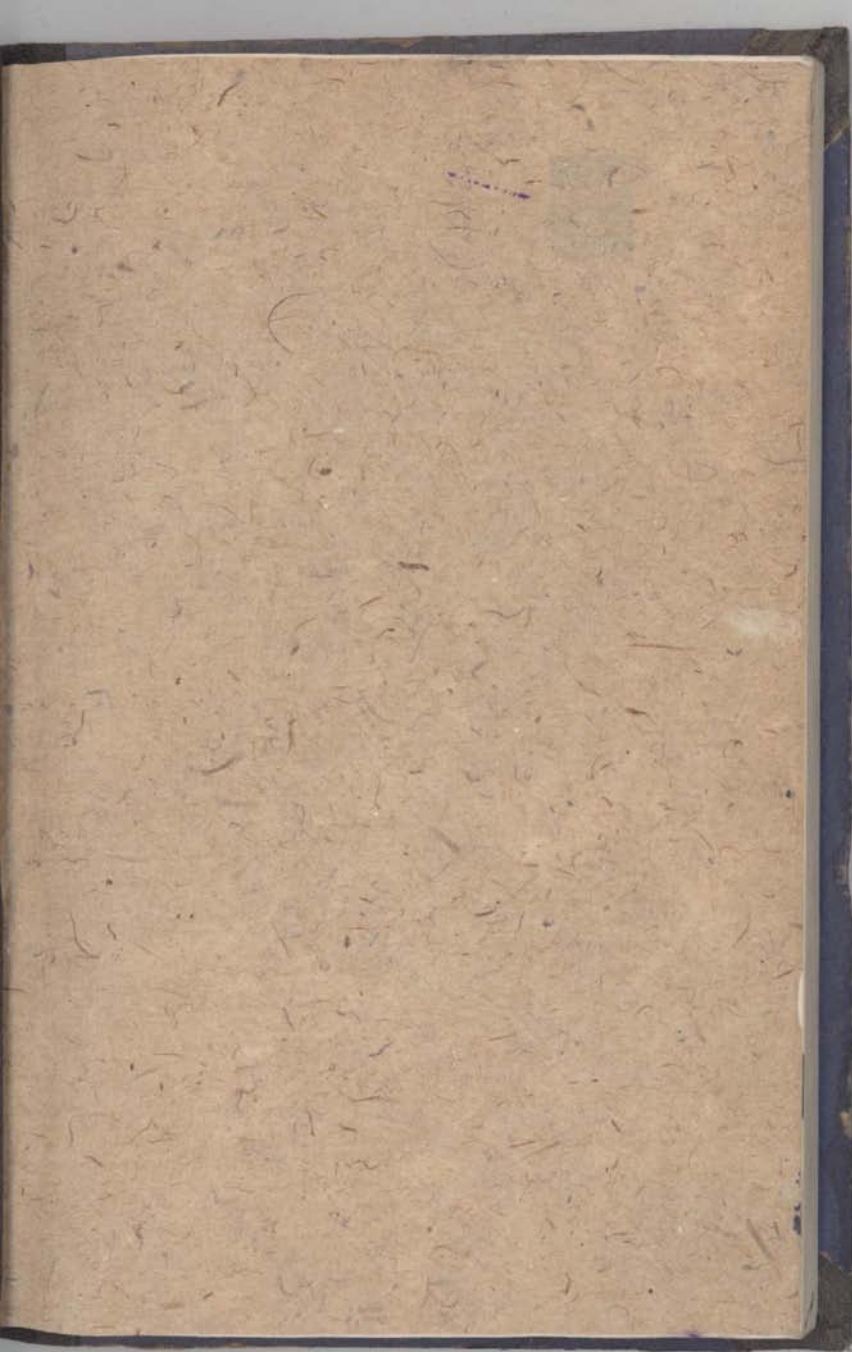
V.N. Karazin Kharkiv National University

01156744

4

PK-1

GREGORY PETNIKOW
GEWELDE GEDICHTE

STAATSBIBLIOTHEK DER NEDERLANDEN

GREGORY PETNIKOW
AUSGEWÄHLTE GEDICHTE

STAATSVERLAG DER U.S.S.R.

1941
10/10
10/10

K

1842

ГРИГ. ПЕТНИКОВ

КНИГА ИЗБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

БИБЛИОТЕКА 5741
Обл. Правління Спілки
Рад. Інспекції

5/106 1939

Книгозбірна Будинку
літератури

інв. № 16919

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
У К Р А И Н Ы

1 9 3 0

[Харьков]

Библиографическое описание
этого издания помещено в
«Літопису Укр. Друку»,
«Картковому репертуарі» и
др. указателях Украинской
Книжной Палаты

Рисунок тушью худ. Дм. МИТРОХИНА

Обложка КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА

Первая типография
им. Г. И. Петровского.
::::: Харьков ::::::
Укрголовліт № 1715
14/III 1930. Зак. № 1345.
::::: Тираж 2000 ::::

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ХНУ ІМЕНІ В. Н. ГАЗІНА

A 540618

WORLD OF MIND

Published by the
World of Mind
Publishing Co., Inc.
New York, N. Y.
1934

THE WORLD OF MIND

THE WORLD OF MIND

THE WORLD OF MIND
THE WORLD OF MIND
THE WORLD OF MIND
THE WORLD OF MIND
THE WORLD OF MIND

THE WORLD OF MIND
THE WORLD OF MIND
THE WORLD OF MIND
THE WORLD OF MIND
THE WORLD OF MIND

ГУДКИ В СТЕКЛЯННОМ ГОРОДКЕ

Прокликал ли гудок иль дождь осенний
Над августа набухшей полнотой,
А ты гремишь и выбиваешь песню,
Литого полдня золотой итог.

Вот пригород. Один из тех,
Что взят в оправу
Ненастий невских, стуж, задач —
Московско - Нарвская застава!
Греми сталелитейный чад!

Ты весь как тревожное солнце,
Затянутое в облака,
В фабричных, обугленных рощах,
В расчетливых, думных годах.

Путиловец или лазутчик
В будущее. Читатель!
Ты проследи за тучей
Дней молодых начало.

Он за наивные степи
Прошел по военным годам, —
Суровое солнце двадцатых,
Охота за счастьем в полях!

Где штаб Заднепровской дивизии,
Где пахнет эпосом твой лошадиный пот?
И степи дышали грозой у Лисок,
И время звенело в ушах.

Где этот теплушечный эпос,
Гостящий в неведомой песне,
Еще не записанной нами,
Грустящей в какой-нибудь вечер
В одной из глухих деревень?
И этот романтики слепок,
Остыв, расстаётся с грозою,—
Тут с ветром советские будни
Иные напевы ведут.

И конь мой любимый уходит в ночное,
И в кузнице чинят блестящий лемех,
И кони в осенние клинья
В полдень, по годам передышки
Влекутся в селянский, медлительный рай.

И дальше — окраин фабричных
Подобранный ветром дымок;
Рассвет обозначен, он пышет
В разводах зари и гудка,
И слышится первый, глухой и охрипший,
Ему подпевают издалика
И—утро раскутано гудом обычным,
Как мастером песни любая строка.

В червонных эмалях осенние малявы,
И глянец наивный на бурых скирдах.
Октябрь, он господствует в нашем хозяйстве
Он запись шершавой рукою ведет.

Ленинград, 1927

Ч Е Р Н О В И К И С Т И Х А

Читай земли зеленые былицы,
Войди и в наш суровый русский рай,
Где и на солнечных страницах
У вымысла чуть горьковатый вкус.

В вожатые возьмем с собою песню.
Вергилий устарел, Вергилий Данта вел,—
Нам нужен новый лад, двадцатых лет ровесник,
Иди зимы веселое фабричное тепло —

Когда над черными стволами труб — высокий снег,
Дымок, бензиновый запах, города рулада
И солнце, наконец, как уравнило тех
Хозяйственных программ и замыслов Госплана,

Предмет у песни прост, как запах льна
Или зерна, гостящего в приемном пункте;
Черновики стиха: поля, упрямая весна,
Исчерченные бороздами будней.

Мы входим в круг сельских забот.
Где раньше степь и гоголевский полдень —
Теперь машиной севооборот
Под песню поднят и исполнен.

Тут свой размер, свое лицо,
Куда острее песни старой —
Смотри — струнами над селцом
Разбег веселый Днепрелбстана...

Вступаем в круг другой, глухой.
Казалось, песня б здесь и не гостила вовсе,
Но вот сквозь потное тепло я слышу темный звук
Строфою вагонеток в коридорах осени.

С звездой на поясе проходим дальше мы —
Тут день республиканский начат,
Тут залежался корм машин — и мир
Грозы и поездов убранства.

Но все еще ремесленная полночь
В глухих углах ютится и копит,
Да все еще в просторах беспризорных, молча
Ведется рай нетронутой земли.

Средь кажущейся тишины, застоя
Все ж движется, не остывая, кровь,
И новый век на перевале стонет
Поднять с трудом задуманный урок.

Читай, дивясь, страницы современья,
Пойми, как труден пафос наших дней,
Еще, еще забой, бикфордов шнур подведен —
И утро дышит свежестью в лицо.

Ленинград

Р И С У Н О К У Г Л Е М

Только светало. А он уже шел,
Зачатый рано, в туманы, гудками,
Сбитый ветрами, в бульварах свежо
Пахнувший дымом, смолой и дождями.

Медью ли тлела слепая заря,
Жить ли звала в заводских корпусах,—
Он высыпал на платформы, горя
Памятью рощ и поселков дымясь.

Да, просыпаться ему не легко
Было. Он плавился, шлаками ночи,
Он остывал, изумляясь меж прочим
Тенью кустарников, звезд и рекой.

Вот он по крышам, в антеннах залег
Плавиться золотом над этажами,
И, напевая лучем,— уголёк
Первый проснулся в синеющем пламени.

Дальше пошел разговор по цехам.
Коротко. По заводскому обычаю.
Отгул встал, и у станка
Вещи размеренный вырос добытчик.

Вот это город и двор заводской —
Он разожжен как огромные печи,
Весь он походкой авто и подков
Стянут, и тонут от топота речи.

Вот это город — огромный развод
Рот и огней, пешеходов и линий,
Город признал молодое родство,
Вылазку труб в деревенские сии.

Утро окрепло. Он снова подобран,
Вкручен, как гайка, и взят на учет.
Только светает, и снова в работу
Многомиллионный хозяин идет.

Ленинград

ИЗ ПОХОДНОЙ ТЕТРАДИ

Тебя без имени назвать я мог бы.
Тыходишь—бьются листья лип
Ко мне дозором солнечным, и окна,
Как полдень растворив, напоминало быт.

Косое солнце. В серой сетке
Я различаю смутное качанье
У облак, у полей с желтеющей расцветкой,
Ты видишь—степь промчалась на тачанке,
(Тогда мы на конях переходили Днепр.)

Находила любовь, как ливень
Гоня за собой медные тучи,
И нас окружив, говорили ивы —
Мы тоску на скаку выбьем.

Кружатся листья в падучей,
Степям не уйти от себя,
В этот вечер впервой я подслушал
Жажду жить у коня в удилах.

Тебя без имени назвать я мог бы,
Ты—рейда дым, ты — песенка о том,
Что мы и до сих пор всё помним
Дорогу, поднятую Октябрем.

ПУТИ, КОТОРЫЕ МЫ ИЗБИРАЕМ

Нет времени, которому б родиться
Не захотелось в рокоте машин,
Нет времени, которому бы птицей
Не захотелось петъ над пажитями ржи.

Нет роц, которые б не знали,
Что значит утра вздыбленный пожар,
Нет молнии в селянском мае,
Что не повторена в лелеемых межах.

Нет осени, которая б не окружала
Засадой теплою сердца,
Нет зорь, которые б не зажигались
В очей задумавшихся озерцах.

И мира нет, который бы не заслонила
Крылом летуньи - ласточки любовь,
Ей резать воздуха синеющие жилы,
Ей волн поймать разымчивый прибой.

Но есть пути, которые мы избираем.
Они ведут чрез кряжистый Октябрь,
И вот Россия, как дредноут вздрагивая,
Идет в открытые моря.

Нет времени, которому б остановиться
Велел мифический Навин,
Нет имени, которому бы птицей
Не захотелось петъ над пажитями нив.

Р Е В О Л Ю Ц И Я

1

Она вошла — и сплосахми затенив,
Росла, как степь, как полк буденных,
И вот — России эти дни,
Как почерки весенних молний...

2

Как с гор ручей, она впадает в темень лона,
Она в ночей вникает полноту,
Или к земле тревожно ухо клонит,
Чтоб отозваться музыкой и тут.

3

Так шли года—лукавая и полая вода,
И золотая медлила секира,
И грозами играть устав,
Светала за холмами мира.

Еще не потревожен пар,
Он по затонам тянется подняться,
И, музыкой баюкаемый арб,
Обоз во сне подсчитывает гарницы.

Еще не выступил в просветах дым,
А сини цвет стальной уже подмечен
Среди мешков, чувалов и клетей,
Под утра хрип и звон уздечек.

Рассвет сменяет чернь дерев,
Похожих на разъезда махновцев,
И стан у яворов раздев —
Таков подход к степным колодцам.

Таков бывает вид к утру,
Когда формуют мирозданье,
Когда средь тишины, не вдруг
Идут толпы вещей к восстанью.

Тогда показана земля
В седых подусниках мороза,
В ухабах, далях, колеях,
В резных берез остывшем воздухе.

Тут пестрота берет начало,
Тут подступ к деревням, и вот
Выплескивая серебро,— подчалом
Связав, умолкнуло ведро.

Тут синкопы ночных маневров,
Которых тщетно ловит ухо,
Тут еле слышимый, но... говор,
Идет настройка, проба звуков.

Уже как будто бы выходят,
С сиротских крыш зарозовея,
Светанья явные ободья
И спиц мелькающая теня.

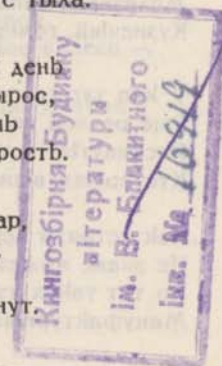
И кони, взявшись веселее,
Проходят сонное селенье...

И подтянув арьергард,
Как будто важничая, чинно
Располагается товар,
Скупясь, приглядываясь с тыла.

Перед селом в базарный день
Осенний лес оглобел вырос,
И по горбам, за плетень
В луга, дымя, уходит сырость.

Ночной проветрив перегар,
Уравновесив дня сиянье,
Вокруг золотые берега,
Пропав, околицами встанут.

Сгрудив подводы по рядам
(Порядок дан самим товаром),
Вот тут — гончарный рай, а там
Столярный цех сгружает рамы.

3802

#540618

БІБЛІОТЕКА 17
Обл. Правління Спілки
Рад. Інсьменників
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВ. БІБЛІОТ.
ХНУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА
3106 № 19399 541

Вдали протянута рука,
Как знак сжимается другая,—
В затонах серых ЦРК
От сна помятые прилавки.

Давно засыпан корм коням;
Жуют, припоминая полночь.
Литая, желтая струя
Сбегает, вспенившись и солнясь.

Переступая через лужи,
Дыша навозною землей,
Вот так средь завитков и стружек
Опошши пестрая глазурь.

Кромешный, медлительный деготь
Похожий на черное солнце труда;
Железный, запальчивый грохот —
Кузнечный, гомеровский дар.

У кип тугого полотна
Еще речной не отдан запах,
Раскинутые лотки
Кустарным вымыслом богаты.

Как устоять перед соблазном?
Не знаю, может, в силах ты,
Но тут таких узоров праздник —
Мануфактурные ряды!

Раздумавши и осторожно
Прицениваясь и сравнив —
Тогда дается знак и... ножницы,
Хрипя, разрезают синь.

А над чувалами зерна
Чуть наклонившись в раздумьи,
Два черноусых знатока
Ведут оценку сельским будням.

Над песней темных гусяров
Прошелся зык, гремя и тая,
И граммофонов хрип, и топот
Коней под щелканье кнута.

Волы лежат в воротниках,
Все скифский полдень медлит деревнями,
И конопля зеленоватый дым
Смешался с солнечным угаром ...

Ворохи прядива, палатки, лари, песни слепых
бандуристов по краям деревенского
ипподрома, тыквенные головы
среди золотистых копий соломь,
визгливые голоса скрипок
из сельбуда, и — желтое колесо —
все мало - по - малу
прячется в мохнатый полушубок
пыльного воздуха.

Л Е С Н О Й Р А З Ъ Е З Д А

Что синепад ? ... Осенних отчин
Прозрачный и тревожный дух,
И полосы твои короче
Звонящих дней лазоревый недуг.

И комнаты становятся чужими,
И по осенне - думчивой меже
На музыку похожем дыме —
Лесной разъезд — пятном сырых теней.

Разоблаченбе вещей мет —
Таясь и сетуя по - праву
Свой беглый, изумленный свет
Свивает в пожелтый саван.

Как мало времени перед отъездом !
Шуми разгоряченным языком,
Бросай в лицо червоное наследство,
Балладою прощайся за окном.

Она чужой и вовсе позабытой,
Но напряженно помнится одно —
Виденбе осени — как музыки обычай,
Как молнии ночной блистательный разлом.

Логам ночным — помога,
Коням — степная поступь,
Светясь грозой лукавой,
Встают четыре солнца.

Разве не вызорен день
Или не вызвана степь
Буйною лавою видений
Вырыскать черную тень?

Дремь деревень разрывай!
Кована сталью радань,
Время бежит на конях —
Песня за ним — догоняй!

Вечера синее вече
Вденем в упругое стремя,
Нам и в зоране зари
Сказано взором — гори.

Да на далекие версты,
Да на степные гонь
Выдан нам солнца перстенъ,
Выезжен красный конь!

1917

Твоих тишин неуловимый вывод—
Как обойти звенящую траву,
Кропя ржавеющее жниво
Росою осени, грустящей поутру.

Напевом волхвующих иволг
Поишь земли пьянящий шорох—
Раздолий вылившийся вымах
На сталью выгнувших озерах

И это серпень полевою волей
Впрядет в озимое рядно
Узоры плахт, родимый голубь,
Влетевший в осени окно.

Красная Поляна, 1915

А выйдешь пространствами ночи
По следу рассыпанных рос,
И разве что только на помощь
Бытий понадвинулась поросль.

Проходишь заставы—и снова
Смарага отряхнувши жуков,
Той степью стреножена овидь
В поводьях тоской табунов.

Сдвигая супесь на затылок
С копён зацветающих звезд,
Что давечь кустами наплыла
Во весь синевеющий рост,

И вот вознесенная тембю,
Как дланью дымящих костров,
Огнями над ветлами теми
Ночной раздвигашь простор.

Развеяв и вымыв прудами
Поветрий и трав перегной,
Поляжешь печалой рудою
В ночное безкрайних лугов.

1920

Еще гроза не переспорит снов
Касожских золотых песков,
Но чувствуется твое преображение
И в ливне лиственных речей
Над лирнем — радугой сближения

И перекинешься тогда
На степь такую перекличкой
Листов, сердец и ковылей
В неизбываемое величие.

И так же будет ветер гореть,
Упругим летом лен тревожа,
И с смуглых плеч ее морей
Слетает волн морская голубь,

И, горы голубые грома
Нагромоздив в гудящей полумгле,
Бросаешь в небесный омут,
В младенчество апрельских лет.

1917

ПРИМЕЧАНИЯ К УКРАИНСКОЙ СТЕПИ

Бывает баллады началом
Высокая область степей,
И время тогда отвечает
Наречьями домр и стеблей.

Послушаем - послушаем,
Что говорит под утро
В весенних снах набухшая,
Проснувшаяся степь.

Ты с ней знакомец давний
И помнишь даже день,
И даже час—на плавнях
Донца слепую тень.

Чуть свет выходит облако
Враспашку, в зябкий брод,
И птичь гортанным окликом
Степной зовет народ.

Не этот ли, что походя
Причесывал и гнал
В работу, лавой, с цокотом
В земные неводá ?

И чуть остановилось—
Вдруг одиноким голосом
Пошло гудеть над тырсою,
Сверкать в звенящих полосах.

Не снег, не серебро ли то
В пословицах полъни ?
Не синью ль важной пролита
На этот мир теплынь?

Должно быть помнишь солнечный
Разбег, разлог—когда,
Скрестившись в зыбкой полночи,
Встает в слезах трава.

Она не может молча ;
Застыв от удивленья,
Глядят, привставши, полчища
Зеленых пустырей.

Еще когда спросонья
По серебру холодному
Легла чеканка золота,
А утро тут как тут—

Тогда я начинаю
С тобой вести беседу
В лучах — над молочаем
И будто невзначай.

В свидетельницы этих
Величественных дел
Мы купы умных веток
Возьмем—и на заре,

Мурлыча мне под ухом,
Пригорок начинает
Налаживать струну,
И стрекозинный тукот
Ответом отовсюду,

Высокую науку
Степной послушать полдень,
Услышать свой же голос
Тогда легко пройду.

С тобою не однажды
Мы проводили дни
На побуревших пашнях
В дивизии весны.

Записываю песню
В одну из тех ночей,
Когда в заставах невских
Мне голос твой слышней.

P. S.

И сверстаны гранки,
Мои примечанья к степям:
«Путиловец» требует правки,
Как я корректуры к стихам.

Ленинград, Карповка

В такую горячую весень,
В такую веселую заросль
Вошла — и раскинула песен
Сплошной зацветающий парус.

И стает лазурного вымысла
За мною в кленовую летопись
Неслись на весны коромыслах
Дремучие скрипы и шелесты.

И в этой распевшейся прелести
Апреля — летучее племя
Молвой дождевою от ветрости
Срываясь, вливалося в землю

И, там насыщаясь от чар его,
Легла в золотистой обнове —
И дней густолистое марево
Как повесть, как поросль кленовая,

1916

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых важных и сложных вопросов философии.

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых важных и сложных вопросов философии.

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых важных и сложных вопросов философии.

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых важных и сложных вопросов философии.

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых важных и сложных вопросов философии.

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых важных и сложных вопросов философии.

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых важных и сложных вопросов философии.

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых важных и сложных вопросов философии.

Н О Ч Н Ы Е М О Л И Т Ы

Тебя, Господи, прославляю, как прежде прославлял,
Поклоняюсь Тебе, как прежде поклонялся и восторг
Тебя, как прежде восторгался, благодарю, как прежде
Или же благодарю Тебя, как прежде благодарю.

Наша молитва, Господи, как прежде, не изменилась,
Наша молитва, как прежде, не изменилась —
И потому, как прежде, мы Тебя прославляем,
И потому, как прежде, мы Тебя благодарим.

Наша молитва, Господи, как прежде, не изменилась,
Наша молитва, как прежде, не изменилась —
И потому, как прежде, мы Тебя прославляем,
И потому, как прежде, мы Тебя благодарим.

Наша молитва, Господи, как прежде, не изменилась,
Наша молитва, как прежде, не изменилась —
И потому, как прежде, мы Тебя прославляем,
И потому, как прежде, мы Тебя благодарим.

Наша молитва, Господи, как прежде, не изменилась,
Наша молитва, как прежде, не изменилась —
И потому, как прежде, мы Тебя прославляем,
И потому, как прежде, мы Тебя благодарим.

Наша молитва, Господи, как прежде, не изменилась,
Наша молитва, как прежде, не изменилась —
И потому, как прежде, мы Тебя прославляем,
И потому, как прежде, мы Тебя благодарим.

JOHN W. H. H. H.

А. М.

Ты меня удивляешь, как воздух морской,
Приносимый в пролётах дождей и ветров,
Ты, как пестрый вьюрок, залетаешь в окно
Илиходишь ко мне с синевой заодно,

Или падаешь тихо как снег, но—нежней,
Или инеем ты разузоришь стекло —
Я узнаю твой почерк везде и во всем—
Мы с тобою живем, и летим, и несем

Изумрудный, весенний, шумливый пушок
На вербу, на траву, на дубовый листок,
Ты стучишься, как кровь, в поседельный висок,
Я в вьюгё услышал твой тревожный свисток.

Это город плывет и трамвайным кольцом
Обручает метель с персонажем моим,
И в одну из ночей обмакнувши перо,
Сочинитель любой дорисует его.

Я вручаю приметы: то голос стиха,
Или белая ночь над Тучковым мостом,
Или в песню прорыв, и полоска зари,
Или первый, как молодость мира, восторг.

Ты меня поднимаешь, как лето, как зной,
Когда мы вот с тобою опять босиком
Хуторскою дорогой бежим, и легко
Золотое навстречь нам летит колесо.

Вот еще: начинается день. Громыхает ведр
Улетает журавль высоко в облака.
И мы слушаем звон, веселящее «мы»
И быков на лугу мускулистое «му».
Начинается снова украинский день.

Тебе каждая тропка знакома в гаю,
В разноречиях птичьих и гласных ветров—
Распорядок дневной и ночное баю,
И полудней широких блестящий урок.

Или наша читальня в лесу, и листвы
Говорливый зеленый, живой каталог,
Он рассыпан у ног и горит над тобой,
Перелистывать мне или слушать тебе,
Как звенит это а, это и, это о.

Ломоть черного хлеба. Землистая соль.
И тугое рассыпано солнце по нем.
А внизу, на лугу тишина запоет,
Расцветет ввечеру своенравный огонь.

И соломенный дым поведет свой рассказ,
И в ночное уйдет за тобой молодой,
Он боднул облаков осоку, и—блестя,
Ты качаешь меня на груди озера.

Петушиное слово, рассвет от тебя;
На поляне мелькает вон красный платок,
Это—ты, это сад начинает игру,
Это—утро в лесу, наливается яблоком день.

Кто же первый учил по складам рассказать
О простом, как крутой поворот млина,
Но я иволгам прямо скажу в глаза—
Это ваша учоба—владесть пером,
Я и рифму у вас же подслушал и взял.

Ленинград, 1927

Мы живем как в отсвете витаний
В этом алом лоне лет,
Может быть опишет нас верней с годами
Летопись прочтя, какой-нибудь поэт.

Он наверно в старых списках роясь,
Загорится пламенем одним,
Что и мы, которые вот в эту повесть
Дали столько действующих лиц.

Он возьмет вот этот лист газетный,
Но куда спокойнее, чем мы,
И по гранкам прежним незаметно
Вспыхнет пламень и взоввется дым.

Даже сквозь обугленные строки
Ты услышишь, как шумела жизнь в те дни,
Как горел сторожевой костер, и токали
Пулеметы, отвоеывая мир...

Будут годы проходить веселой цветью,
Мы зерном легли, но в золотом бреду—
Вот уж скоро осень— нагибает ветер
Рожь в хозяйстве молодых коммун.

Синий-синий и тревожный воздух.
Где мы?.. И сквозь сон я узнаю тебя—
Это полдень мира в городе приморском,
Солнечная, новая страна.

Ленинград

A toi, Nature ! Je me rends,
Et ma faim et toute ma soif.

Jean - Arthur Rimbaud.

О, лоно полонное пламя!
О, нощи черная плата!
Дремлин затаенная млада!
Поющая вёсное ве́ди,
Понятное струнам баюна.

Ей надо, чтоб внове ржаная
Рожала, ложася снопами
Всеярую молний нежданно
Взлестевшую звездную память.

Посмертьем ее сонаследий
И в лето льняное по сердцу
Оденешь в вёсное ве́ди
Как в детскую, древнюю дерзость.

И девой дивея в забы́тье
Сентябрьских расплавленных дней,
Снимаешь небесное мыто,
Немые разлоги небес.

1914

Ночь. В сновидениях твоих
Дымка раскинутые косы,
Весны—раскованной Невы
Запечатлен нетленный воздух.

И в заморозках сна
Прозрачных верб
Смертельное похмелье—
Чугунных сот
Надвинувшаяся тишина
С рассветом бедным отлетела.

И утра зябкий разговор,
И беспокой в истоме камня,
В окно глядит суровый порт,
Торгов балтийских хитрый правнук.

А за лесами мачт и труб
Фабричных дел высокий мастер—
«Путиловец» и «Большевик»
Ведут беседу поутру
В дыму рассеянных ненастий.

В проспектах, ротах, площадях
Плывет под ветром день советский,
И та же серая Нева,
И Летний сад в пылу дождя
Протягивает зелень веток.

Ночь — в сновидениях травы
 Росой раскинутые розы,
 Свинцовых вод твоей Невы
 Запечатлен тревожный воздух.

О, в паволоках сна
 Пушистых верб
 Весеннее похмелье —
 Поющих сот
 Блуждающая полнота
 В ночи настороженной отлетела.

И вдруг снегами отболев,
 С полей, болотин, дымных далей—
 Развороживши изумрудный плен,
 Развернутые воды встали

И—радость разведённых русл
 В каменноостровских уступах,
 Как будто отуманных уст
 По набережным раздумий

Разлившись серебристой вьюгой
 Поверх неведомых сердец,
 Не вами ль явлен в невской туге
 Зимы неотразимый изразец!

1916

Нет, в имени дивуньи золотой
Я слышу шелесты неувяданья —
С разгулом солнечным слито
Ее немеркнувшее волнованье.

То ли дикая плоть залегла
В буревалов гремучей кошме,
То ли щокот плывет соловья
По речистой, кочующей тьме.

О владелый мятеж серебра!
По зимовьям покорствуя мне,
Ты на песенной утра ладбе
Выплываешь, радений сестра.

1914

М О Р С К О Й Р А З Г О В О Р

В рейде покоится сто якорей.
В сумерках — синие косы морей.

Встанет дымящийся по-утру крейсер,
Весь он забрызган червонною песней,

Весь он умыт и осыпан зарей,
Вот он красуется перед тобой.

Килем кичится серебряным он
Или играет с танцорами волн.

Вскинет лучами прорезанный вымпел —
Знает команду в сиреновом дыме.

Трубами траур оденет лазури,
Пасмами бури как будто бы курит.

Утро на рейде. И золото рей.
В сумерках — синие писма морей.

Звонкий свисток, как сквозь сон у матроса,—
Часек качается белая россыпь.

С хлябями буйными думно обнимется
Наших морей молодая любимица.

Ластицы вьются у черноморца.
Ветер в лицо. И соленое солнце.

С песнею выйдем в открытое море,
Песней оденемся на буревое.

Слышишь сирен штормовую балладу?
С этою гостей наш крейсер поладит!

Ближе и крепче морской разговор —
Силу у топок калёных утрой.

Пышет, шуровано, жаркое ложе.
В норы ныряет блистательный поршень.

Теплая кровь разлилась по машинам —
Нам не страшны буревые ложбины.

Слышишь, как дышат спокойно моторы?
Видишь, как ход волнорезом проторен?

Этих ветров стоголосую раду
Крейсер, разрезав, винтами затравит.

Жерла прожорливых пушек наставив,
В дыме маневров мы даль расстреляли.

Вечер на рейде, иль золото рей.
В сумерках — синие письма морей.

Ластыцы бьются у черноморца —
Ветер в лицо. И вечернее солнце.

Гамбург, 1925

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВЕЧЕРА

Был золотом вечерен
Осыпан этот сад,
В такую тишь по северу
Растеряны леса.

И этот лунный наигрыш,
Озёрной глади брат,
Вставал, глядевши с завистью,
Как жемчуга горят.

И дождь весенней поступью
Переплахнул поля,
И вот он режет по степи
Дремлины ковыля.

И посулы глашатая,
Как месяца сербга,
Что сумерками сжатая,
Легла в зыбях бугра.

По устью вышиной
Ты бвешься в озерцах,
— Постой. Ведь решено
Утихнуть. И мерцать.

И ветер пал. Срываючись,
Напоследях велся
Простор первин скрывающих
Лесные голоса.

Да сбился в тех обочинах
Очёсок тишины,
И виделось воочию,
Как спор земли решить.

Она, целуясь, падала
И, в этом забыти
Размыты синью дали
И ветром налиты.

А туч летучий полымень,
Чернея, наползал:
Ведь он записан молнией
В ночи слепых глазах.

1916

П Е Р В А Я Г Р О З А

Откуда взявшейся грозы
Предвестьем воздух переполнен,
Ее изменчивый язык
В снопах разоруженных молний.

Вон вылилась и залегла
На топотах весенней конницы,
Где мгла каурая паслась
В дремучей облакони солнца.

Владеющий оружьем бурь
Любой исполосован молнией,
И проясневший изумруд
Уже клюют литые голуби.

И где начало тучных пущ,
Подгромок сбился в синих пряслах,
И дождь, завечерев за тучей,
Упавшей в облачные ясли —

Вдруг заблестит в повязке веток,
Сырую выжавши лазурь,
И легкие вскружают лета
Стрекозы в радужном глазу.

1916

Границу сна я помню точно
Мелькающей на полотне,
И рама северная ночи
В ландшафте памяти встает.

Тайга! Я узнаю тебя такую
Иссиня - черною дремой,
Ты все шумишь в верхах прибоем,
И проявляешь снимок мой.

Шел разговор в лесной семье,
Подслушанный сырým рассветом,
Вдруг начинает все светлеть —
Я раздвигаю купы веток —

За мною вслед метнулся луч,
И лапа голубая пади
Легла покорная у туч,
Расчесанных ветрами за день.

Наплывом медленным зари
Освещены во сне леса,
И пепельная полоса
Сбегает, молча, за обрыв.

Урал, развертываясь, шел,
И солнце подымалось выше —
Нагорный стан ошеломлен
Разрывом золотистых всплеск.

В расцветке дикой горных гряд —
Нагая летопись земли,
Здесь крупным планом мир заснят
В деталях каменной молвы.

Заслоны лиственниц подняв,
Идут тагильские края,
И скулы каменные скал
Щетиной обросли леска,

И синий след снегов прервав,
Чадит в проталинах трава,
И на висках утеса дремлет
Остановившееся время.

11. At the present time, the
state of the
country is
very different
from what it
was some years
ago.

The
people are
very happy
and contented
with their
lot. They are
very industrious
and hardworking
people. They
are very
friendly and
kind to
strangers.

The
government
is very
just and
fair. They
are very
kind to
the poor.

The
people are
very
happy and
contented
with their
lot.

The
people are
very
happy and
contented
with their
lot.

The
people are
very
happy and
contented
with their
lot.

III

There, too, the morning
 The sun, the moon, the stars
 The sun, the moon, the stars
 The sun, the moon, the stars

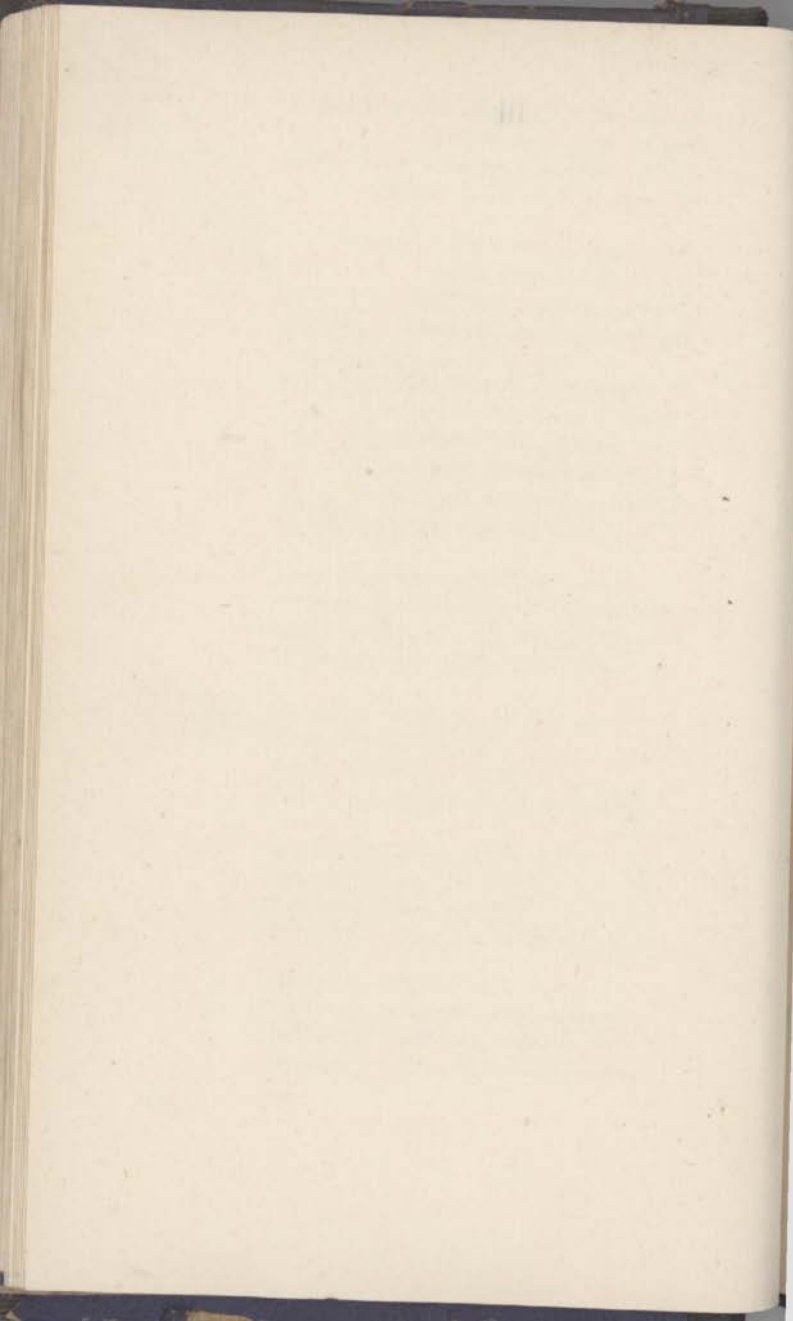
There, too, the morning
 The sun, the moon, the stars
 The sun, the moon, the stars
 The sun, the moon, the stars

There, too, the morning
 The sun, the moon, the stars
 The sun, the moon, the stars
 The sun, the moon, the stars

There, too, the morning
 The sun, the moon, the stars
 The sun, the moon, the stars
 The sun, the moon, the stars

There, too, the morning
 The sun, the moon, the stars
 The sun, the moon, the stars
 The sun, the moon, the stars

There, too, the morning
 The sun, the moon, the stars
 The sun, the moon, the stars
 The sun, the moon, the stars

Перед тем, как ты встаешь
Голубою мглою выгнан —
Этот миг, чтобы надпить
Из криницы звонкой были —

Точно к вечеру, когда
Заревой дугою стаят
Этот лес и облака
Виснут глубиною пьяной —

Перед тем как отойти
Им в затон иной полночи,
Ты звончее напой
Пламенной влагой почек.

И как родина — степь,
Это имя, звучащее давней,
Чем любовь, что в тяжелом пласте
Залегала рудою на плавнях.

Этот миг хорошеет — отметь,
Над черемух вскипевшей тропой,
Что и снов раскаленная медь
В этом полдне, таком огромном.

Как на охоте за солнцем
День голубою рыбой
Вон проплывает, играя
По омутам и зыбям.

А и недаром с нами
Полдень кружит и вьюжит,
Он прозвенел стременами,
Этот дозорщик южный.

А над лесами синими
Поднят весенний пламень,
Говор идет журавлиный
Под облаками.

В роще навстречу птицы
Ветку нагнули песен,
— Лели - ляли, убегая,
Так ручей зовет напиться.

И в зеленой шубе ясень
Отвечает, подымаясь :
— Я веду лесное племя
На полян шумливый праздник

— Я готов с тобой все время,
Выростая тишиною,
Слушать этот полдень мира,
Раздышавшийся над морем.

— Если ты пойдешь со мною,
Голубых долин мыслитель,
Мы крылатою тропою
Разглядим лицо земли.

И сквозь сосен медный гуд —
Там и тут
Утру звонкому дана
Суетливая струна.

1916

Над тишиною, станицами весен,
Пахот украинских, пасек и сёл
Так вот и видишь в вечернем обозе
Порослью звезд опоясанный дол.

Или сбегая долиной дымиться,
Паром курить, залетая в лиман —
Так вот и слышишь, как сини граница
Тайно сжимает зарю в пеленах.

Или от зноя в немолчную крутень
Ночи, зачатий влачась на палатъ,
На чернь июня навалишься грудью,
Руша по тучам зарниц пламена.

Степью послушай — в затонах былицы
Теплою домрой гудят в темноте,
Чтобы под утро подвоем сребриться,
Месяц рассыпав, как жемчуг в росе.

Донецкий шлях, 1916

От пестрых, веселых основ
 Расцветает узор журавлиный,
 Разбегаясь тропой лесной
 По откосу в закут молчаливый.

И врезается полдень дымком,
 И звериным теплом подымает
 Благодатный весны неспокой
 Просыпающейся отавы.

И по прочерням этих равнин
 Узнаешь, что и ветру забылось
 Заглянуть в раздышавшийся клин,
 В холодком просквозивший осинник.

И утра червоная утварь
Зарницами скрыта в кусте,
И гудом подернутый хутор,
И тянется лист заблестеть.

И снова, как будто бы смолкнув,
Но только ветрами заденъ,—
Дымка синеватою чолкой
Надвинется светенъ к воде.

Ведь в этом затишьи нагорья
Златистая спутница дня,
Поднявшись, видений нагонит
На сонную затенъ плетня.

На том и звездою обмолвясь,
Чтоб было бы чем и мерцать —
Лучами, что вспыхнувших молний
Скрестятся, стучишсь в сердца.

Всѣми рано кровавыя зори свѣтъ
повѣдаютъ, чръныя тучя 'с моря
идутъ, хотѣтъ прикрыти четыре
солнца, а в них трепещут синіи
мълнии.

Слово о Полку.

Чужой весны суровое наследье
О синегривый рок, взлетай!
Опять война по - осени сковала в третий
Слепое золота щита.

И зорь ли рыжее светанье
Ложится отмелями лет,
Страна кипит над пеною преданий
И чаек величанный свет,

Что Днепр ветрами Запорожья
Рожден на берегах весны,
И пламенем чужим встревожен
Родимой радуги близнец...

Зачем молчишь в потоке темной веры?
Мы — время мер.
Вступи же в золотое стремя,
Высокий ветер!

Мы мучимы припоминаньем
Настойчивого слова — мир,
Где моря вдумчивая няня
Оденет музыкою дни.

Но чтобы он ответил, прошумевши
Загадкой золотой дождя,
Но чтобы он сказал нам в полдень внешний,
Касаткой прянувши в падумчивую синь?

Ну, как бы он нас встретил в день осенний
К нам постучавшись гостем молодым?
Румяным яблоком упавши на дорогу,
Иль паутинкою повиснув на лице...

Все тот же сев, и древний и упорный,
Его мы узнаем во всем,
Мы дышим осени прозрачным полднем
И видим, как бежит мелькающее колесо.

Мы мучимы со дня сентябрьской встречи,
Что делать с ней? — Ее не утаишь,
Она со мной лучем в обыкновенный вечер
Настойчивей, чем память говорит.

А вслушайся в ее скороговорку —
Так падает зерно на августовский ток,
Беседует огонь — земной, суровый морок
У ног волны, нам издавна родной.

К Р Ы М С К А Я Г Р О З А

Остановись, прекрасное мгновение!
Отроги каменной молвы
Лиловой захлестнулись тенью
В предгрозби смолкнувших долин.

И сумрачные воды встали,
И голубой толпой пошли
Ярить чернеющей стали
Буйноголовые валы.

Смотри—отроде гор не может
Теперь ни двинуться, ни встать,
И только партенитской рощи
Язык темнозеленый глянет —

Какая яркая набойка
Легла на горные луга,
Она то рушится, то молкнет
В прибое взмыленных губах.

Убором горной благодати
Развеянное растеклось
Грозы чернеющее платье
В опаловое стекло.

Ого, как ветер вперебежку
Пошел гулять по гребню волн!
Гляди, как в облачную стежку
Забило солнце первый голл —

И вон уж над Биюк - Ломбатом
Сиреневая залегла
И встать не может, и не падает
Логами глохнущая мгла —

А там ручьям такая гонка,
Захлебываясь пробежать,
И берег замутивши,— сонно
На виноградных лещь межах.

Карасан

И вы, изумитые степи,
Падумчивей и синевей
Гудите ржаною медью,
Глазами осенних полей

Волнуя тоску златосерпя
Простором над песенкой лиц,
Не ты ль, смуглоликая, чертишь
Узор пролетающих птиц?

Словно ветра слепые следы
Оставляешь по водам озер,
Это — в молодость солнечный дых,
Это — полдня томительный взор.

В каждом выгибе веток рассказ,
В мудром быте корней — молва,
И коры золотистый загар,
И наречий полуденный вар.

Это — сумрачной тайны побег
В деревья изумрудною мглой,
Что же говору гор человек
Перед каменной скажет молвой.

Или нам в молодеющем дне
Пребывать, забывая тебя?
Нет! Во сне соловьиный век
Проскользил, улыбаясь в реке.

1917

...and the ...
...the ...
...the ...
...the ...

...the ...
...the ...
...the ...
...the ...
...the ...
...the ...

...the ...
...the ...
...the ...
...the ...

...the ...
...the ...
...the ...
...the ...

...the ...
...the ...
...the ...
...the ...

...the ...
...the ...
...the ...
...the ...

...the ...
...the ...
...the ...
...the ...

В О Р О Б Ъ И Н А Я Н О Ч Ъ

На заре, когда
В небе
На заре, когда
Светит

Наша - наша
Наша
Наша
Наша

Светит
Светит
На заре, когда
Светит

Светит
Светит
Светит
Светит

Светит
Светит
Светит
Светит

Светит
Светит
Светит
Светит

ОБОБЩЕННЫЕ ДАННЫЕ

За кормой линкоров,
В синем чаду,
По черному морю
Сторожа идут.

Идут — как будто
Тишина кругом,
Разведчики кутают
Денёк дымком.

Овчину седую
Одел «Шаумян»,
По - осеннему буйно
Воды шумят.

Тенью прикинется
Дымовая мгла,
Вёрток эсминец, —
Не видать следа.

Узкую дорожку
Вспенит на пути,
Боевой тревогою
Выверены дни.

Хмурятся башни,
Дремля по бортам.
Чугунный кашель
Затих пока.

Черною нефтью
Поднят Баку —
Рабочий руку
Протягивает моряку.

Сотнями вышек
Вздыблен городок,
Железом вышит
Военный док.

Солнце обмолвится —
К работе гудок,
Конь - мореходец
В сбруе стальной.

Вышел он вровень
Брату морей,
Помнит Аврорин
Суровый день.

Белоголовая
Надвинется волна, —
Килватерной колонной
Разрежем пополам.

Полночь на мачтах.
Огней игра.
Щупают дали
Прожектора.

А дальше — будто
Туман редет,
Эсминец по утрам
Уходит в разведку.

В разбегах синих
Шумует море,
Гуляет осень
На гриве черной.

Солнце за подзором
В желтом чаду,
По черному морю
Сторожа идут.

Севастополь —
Гарханкут, 24

Волчья зима. И пологи сугробов.
Заячий ранок — сторожка зень.
Вышел как будто бы снова с тобою
В заметь родимых полей.

Тянет стихов серебристой пургою,
В трубах гудит, замечает следы,
Видишь, как тёрпким морозцем подкован
Ветер в загонах крутых.

Вступай окраиной поэмы,
Дохнувши вьюгой и застыв,
Садов зимы таимый демон,
В заглавий белые листы.

Твой список — снегопись чудес,
Его читают даже птицы,
Куда там! Облака — и те
На память знают все страницы.

Читай, как вырастает ветер,
И месяц пленный на ветвях
Скользит на полозах медведиц
И в белую уходит дебрь.

Башлык снегов надвинули леса;
Скрипит мачтовый дол и стынет,
И зажигается в стихах
Лисиц червонобурый иней.

Но, как вписать его меж строчек,—
Он должен слышаться едва,
Он на ресницах оторочкой,
Он выпушкой на рукавах.

И кто-то звезды с неба крадет,
Ночью паволокой тьмы,
Очами зги глядят окраин
Заиндевелые черты.

Треща вечернею блестянию,
Как хорошо, когда с зарей,
Откуда ни возьмись, потянет
Встревоженный тобою рой.

Зимовна. Значит стыннут ветки,
И в радужных венцах встают
Сереброперые пометки
В твоём, снегурочка, краю.

Как хорошо, когда вгрузая,
Влезает в розвальни ноябрь,
И тенью пробежит борзая
С морозом впуски — в лог.

Как весело тогда наладив
Лыжнею путь через леса —
Завидеть в голубейшей дали
Зимы стеклянные глаза.

В О Р О Б Ъ И Н А Я Н О Ч Ь

Смотри, как бьются два пути
В заслонах темной половины,
И надвигаются почти
Совсем уже густые сини.

О в этих сжатых буревах
Медлительная тайна тиши,
Которая еще едва,
Но явственно дождями дышит —

Или свергая с мутных гряд
Сверкающее величье,
Над голубью идет, смотря,
Как молний мододень ослепнет.

И слышно: ветер в сенях,
Шурша сбежал коньками кровель,
И воробьиная в огнях
Объята теменью суровой.

А там светясь и жалуя
По долу дивиной,
Метнется обзорь шалая,
Блажа сплошной стеной —

И вот уже над избами
Сиятельная сень,
А впереди нависла,
Насупилася стень.

Не ты ли тучелетьями
Осумерком покрыт,
Что ты грозишься, встретившись,
Дождями пасть навзрыд

Или, врываясь лавою
В знакомый сумрак жнив,
Курясь, зарыться пламенем
В повои буйных грив.

Медвежьи закуты да рвы,
Да версты целины; в овраги
Заглянет солнце; богатырь
Протягивается над корягой.

Ты синю сумерок несись,
Зови ее, ну, как угодно,
Да вот в глухом лесу лисы,
Как в сказке вытянулась морда.

Там вечеров без края тень,
Без края степь и стын; и всадник,
Лети - скачи да мчи зари
Под шапкой необычный праздник.

Не оступись, конь, в болота.
Тут ночь маячит; наудачу
Крепи стремя тугую дань
Да песню на луке впридачу.

*

Проходили недели,
И кружили года,
И червоному солнцу
Улыбалась вода.

Отвечала криница
У крутого плетня,

Ей хотелось напиться
С журавлем улетя.

Ей хотелось, чтоб снова
По излукам и дням
Голубела обновой
Сирота - конопля.

Ей хотелось, чтоб в полночь
Прибегала заря,
Чтоб по первому ж слову
Зажигались моря.

Но веками немела
По равнинам, рвалась
Волновалась и пела
Робинья - земля.

О треклятые годы
Да темная клеть
И чужая работа
Под барскую плетть.

Девка в осень босую
Исходила поля,
То ль во сне, на - яву
Заплетала косу,
Пела песню одну.

— Уж ты день ты мой, денечек,
День суровой, невеселой,
Проходи, день, поскорее
Унеси мою тоску.

Но веками стояла
Тучевая погода,

Да над яром-буяном
Выростала свобода.

Вон гляди — над лугами
Округой грозитя
За спиною мужицкой
Летучая искра.

Эй, крутые годы —
Молодая крепь,
Нам с тобой без отдыху
Тем путем итти.

Разыгралось пламя
Или день с востока
Разгибает плечи
И стучится в окна.

Девка бросилась в окно,
Отвечала заодно,
— С кем же ты стоишь?
— С кем же говоришь?

На пороге молодой,
Говорить ночью привык,
— Разбудить тебя пришел,
Я уж сотни сел прошел

— Слышь, распелся красный петел,
Ходит плясом колокол?
Ветер - ветер - ветер
Около околиц.

А за ними темный
Наклонился вечер,
Кони пугачевы
Гуляют у речки.

Ой, ты воля — зеленое поле!
Как у старого кабака
Собиралась слобода,
Выходила слобода,
Знать рыбак рыбака
Видит издалика.

Ехал — ехал молодец,
Конница Нечая,
С ней бежало солнце,
Мы его встречаем.

Вот уж ближе подошла
За четыре ровно ста,
За четыре, за пятьсот,
За двенадцать городов
— Ай ляй, али-ляли,
— Али-ляли,
За двенадцать городов.

А река Яик седая
Вьется песней в берегах,
Вьется песней в берегах,
Серой чайкой на путях.

А леса зеленые стоят,
А леса зеленые гудут,
И идут тяжелые года
И ведут веселые лета.

Ветер, ветер!
Ты один помощник,
Ты лети от степи,
Ты лети от пожни,
Расскажи деревне,
Расскажи ты роше

Да как можно проще,
Что выходит солнце,
И крепчает голос
И качает ветви,
Ропотом наполнясь.

И ни свет - ни заря,
А от края до края,
Медленно разгораясь,
Начинает гудеть земля.

Русалий лес.
Выходит лось - звезда,
Боднет вершину дуба,
Серебряных чудес
Спадает ясная узда
За день тенейущих раздумий.

Ночь залегает
В яслях темноты —
Знакомым знаком выведет просека
Обвалы небывалой синевы.
Первоначальная гудит беседа
По ясеням звериной иневы.
И поручейный дым и день,
И в шубе рыжебурой ствол,
И тенепеда голубая рень
(Мое вечаное родство)
Пролхет падумчивая голубь.

Пушистой темноты
Потянет дым
Донцами,
 полночью тумана.
Седым узором по низу младет
Да цветом свадьбу ветровую ведать...

Чаруний соловьиный куст
Расплещет
 ночь.

Янв. 1917

Я принимаю синеглазых
Окраин вешних простоту,
И странную вдыхаю ясенъ
В засеребrivшемся листу.

Что это будет — только очерк,
Дивеева скита лазурь?
Иль буйный рост, как живопись, как роща,
Поющая и пьющая грозу.

Какой густой овладевает ветер
По заводям зацеловав траву,
И чувствуется, как цепенеет
От марта смерть в падучем покрову.

1915

В кору хоронят соки слепо
 Раденья вербных тонких вен,
 И хладами вскормленный север
 Уже заведомо забвен.

А вот когда в весны предсердьях
 Встает аорты тяжкой ярб,
 Ты володом каких посмертий
 Вдыхаешь целины испарь?

За желтый и густевший луч,
 За голубую лапу пади —
 Кружась по зарослям морозных туч
 Застывшие, чужие глади.

И постав общей белизны
 Под шапкой инеев лесных...

Мороза сядь, и по увалам день
 Ползет, как дым — медлительная поступь —
 И ветер, чуть толкнувши сосны,
 Остановил свои гряды...

И медных руд пройдя овраг,—
 Заводов жаркая заря.
 А там Турбы сдержав размах,
 Плывет чугунная весна.

Встает весенний Лей
 Тепла лелеемого лепо,
 И стает в синей лапе падь —
 Короткое, быстреющее лето!

Чусовая, 1917

Когда б от веющих окраин
Иные возникали нови —
Видений сумеречный рай
Вставал, певучей поднят кровью.

И в час урочный, в немоту
Твоих слетевших градин точно
Потянется и тайный бор
Свидетелем сожженной ночи

А в золотом костре уж день
Последним углем тлелся там, где
Вдруг затевал с лучем игру
Неузнанный тенями ангел.

Ты падаешь в сень сентября
 Лежалое, дремное жнивье
 И влаготу весн затаят
 Твой утренник — пламенный иней...

Но негу синели прияв
 В узорник ветровых событий,
 Твой тлен на листа остриях
 Ведется от века обычен.

IX, 1916

PONT DU CARROUSEL

Р.- М. РИЛКЕ

Слепец, стоящий на мосту,
Он сер, что камень пограничный,
Он неизменный и обычный
Всегда на солнечном посту,
Он молчаливый центр созвездий.
И все вокруг него бежит, и блещет.

Он тот недвижный судия,
Что указывает разные дороги;
Тот темный вход в метрo, в подземный грохот,
Где толп поверхностная суета.

ЕВПАТОРИЙСКИЕ СТИХИ

I

Пока ведешь морской дневник,
Крутя махорочную ножку,
Простой евпаторийский стих
Мелькнет серебряной рыбёшкой

И, в борт чернилами плеснув,
Отполированный волною,
Он оставляет полосу
Шуметь эпической строкою.

А дальше уходя за ним,
По ритму крейсеров, в просторы,
Чуть седоватый взвев дым,
Дружит со мною на маневрах.

II

Обрывок степи. Солончак.
Слюда остывшего лимана.
Раскинут черный флаг Майнак, —
Дымок зюда - вестами протянут.

Нога вгружается в песок,
Он серо - пепельный на синем;
В тени веселых облаков
Безшумный час осенне двинут,

И вон какая тишина!
Ее заслушаюсь, зажмурясь —
Следы звонцов ночных отар,
Трамвай игрушечною бурей.

Над желтым взгорбьем чернѣй жук
Летит, оставив облак пыли.
И тишина. В твою межу
Вношу поправку — здесь мы жили,

Мы здесь нашли в одно из утр
В траве, распевшейся, как ода,
Мир по-вечернему пустой,
Перо убитого удода.

Майнаки, Сент. 1929

Бывает баллады признание
Под шелест и шелк дождя —
И круто летят над лессами
Шумливые торжества.

Не снег, не дождь ли то
Кустом кипит черемух —
Тагила слово сложено
Свинцовым блеском полдней!

Ты знаешь в беглой светлени
Крыло ночного имени,
И утренник над клетями
Усыпан черной пихтою.

И синим дымом бросится,
Гудком пойдет в леса,
По своеволью осени
Чугунная гроза.

И день как будто вырастет
И глянет из-за дерева,
Дохнувши смурой сыростью
В бараках по-над берегом.

Запутавшись опушкой,
На тень косую зарясь,
Блеснет лисой по лужицам
Рыжеющая заросль —

И встанут над ветром сказаний
Жестокие были грозаны,
Как лето сгибало под ивой
Тяжелые руки прилива,

Как осени ёмкая прорезь
Звонящим лучом раскололась,
И бродит высокая область
Среди тишины и простоев.

А солнце Урала, осклабясь,
Горячею тенью упало,
И вот он теперь, этот ветер
В отряде разведчиков встанет.

Ты бьёшься, как бьются рождаясь
Немолчные будни зарины,
Но это баллада иная,
Шума, пролетает над нами.

1

Еще не опала пена событий
И не остыли Июльские дни,
А ветер Октябрь громоздил от Кронштадта,
Зыбясь и сзывая на приступ волны.
Еще не ушли гулко пушки
Петропавловских верков,
А Зимний и площадь
И Марсово поле
Склоняет осенняя дымь.

Но в сердце железном
Рабочих полков и дружин
С окраин сторожких, вокзалов,
Обводных каналов, застав —
Осыпан червоной метелью Литейный,
Дорога — что день без названия,
И нора гремучая рада,
Как время гудела в ушах...

2

В памяти остановись, день!
Нет, не останавливается кровь в венах.
Если молния — наш рулевой,
И по-новому бьется
Стальное сердце заводов —
Прибой и призыв:

Рей
в синеве
виденьем,
Будь
музыкою
грозы!

3

Запомнилось небо осенним полем.
Ржаные, горячие речи —
И день, что врос Тучковым Буяном
В серую пьянь Невы.

Рассвет вставал и ложился
Тяжелый и хмурый
На глыбах растерянных туч,
А когда приходили сумерки —
Казались, как никогда, резкими,
Ветер — как никогда терпкий,
Ворвавшись через заставы в город,
Развертывал полотна лозунгов,
Застрельщиком пробегая
От Нарвской на Выборгскую,
Сухим языком листовок
Говорил нужнейшие вещи;
И в Смольный,
Сквозь бессонные стекла
Комнат и коридоров
Деловито входило
Северное, зябкое утро.

И Октябрю, и его окрестностям
Военно-Революционным Комитетом
Дан был последний пароль —

— Серп,

Отзыв:

Утренняя заря.

И зовы были сведены
В единый шаг весны,
О полымя видений,
И явь иных новин.

4

Итак, был конец октября.
Стужей захлестнутые,
Кратко перекликались пригороды
И, сжатый тревогой, как улей
Гудел Васильевский Остров.

И было будто за полночь,
В заплачке волн - теней
Он шел, дымил, маяча
Тревогой пристаней.

Как песнь чеканится рекой,
Как песней покоряют горы,—
Так ветром голубой огонь
Был выбит в этот красный вторник.

Он был заморожен и вызван
Сторожим летом сгоряча,
Какой суровый день на призыв
Упорной рады моречан.

На имя новое скликались
В литейную метель, когда
У Николаевского встали
Сереброгрудые суда.

Аврорин сероватый корпус
И миноносок верткая семья,—
Под дождь осенний город сверстан
И дан торцам балтийский ямб.

Вам от немолчных райн — смятенбе,
Нам — огненная стезя —
Гореть, врезаясь шалым гребнем
Зари в лохматые леса.

Мы осень запалили рянью,
И — утро. И горят моря
От края в край твоей грозанью
И жаут с тобою рассветать.

5

Вот всё ещё
И до сих пор
Стоит дымок
От тех костров,
От тех постоев.
Ты, архивариус, постой
Его живого заносить в историю —

Двенадцатой осени
Он нам ровесник,
Двенадцати прожитых
За стройкой и песней.

Ленинград, 1917 — 1929

One at hemlock path - (over) 100 ft
Two - (over) 100 ft - (over) 100 ft
Three - (over) 100 ft - (over) 100 ft
Four - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Five - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Six - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Seven - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Eight - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Nine - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Ten - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Eleven - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Twelve - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Thirteen - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Fourteen - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Fifteen - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Sixteen - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Seventeen - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Eighteen - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Nineteen - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Twenty - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Twenty-one - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Twenty-two - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Twenty-three - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Twenty-four - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Twenty-five - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Twenty-six - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Twenty-seven - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Twenty-eight - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Twenty-nine - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Thirty - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Thirty-one - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Thirty-two - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Thirty-three - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Thirty-four - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Thirty-five - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Thirty-six - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Thirty-seven - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Thirty-eight - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Thirty-nine - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Forty - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Forty-one - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Forty-two - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Forty-three - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Forty-four - (over) 100 ft - (over) 100 ft

Forty-five - (over) 100 ft - (over) 100 ft

ПРИМЕЧАНИЯ К СТИХАМ

ВЕРНИКОВЪ И СИНЪ

В эту книгу включены вещи 1915 — 1929 г.г.

1. Гудки в Стеклянном городке. Напечатано в журнале «Звезда», Ленинград, 1928. Первый вариант стихотворения переведен на украинский язык В. Сосюрой, сборник «Сніги», ДВУ, 1925.

2. Черновики стиха. Напечатано в журнале «Звезда», 1929. Вошло в книгу «Молодость мира».

3. Рисунок углем. Напечатано в журнале «Юный Пролетарий», 1928 и в «Красной Газете», 1927.

4. Из походной тетради. Написано в 1922. Напечатано в журнале «Юный Пролетарий», Л-д, 1928. Переведено на украинский язык В. Сосюрой, напечатано под названием «Ранений» в сборнике «Сніги», ДВУ, 1925.

5. Пути, которые мы избираем. Напечатано в журнале «Звезда», Ленинград, 2, 1927. Вошло в книгу «Ночные молнии», Academia, 1928. Переведено на украинский язык В. Сосюрой, — журнал «Червоний Шлях» № 8 — 9, 1924.

6. Революция. Напечатано в журнале «Красная Нива», октябрьский номер, 1927. В «Красной Газете» 1927, в газете «Die rote Fahne», № 124, 1925. Переведено на украинский язык Ол. Слисаренко, — сборник «Гольфштром», ДВУ, 1925. В переводе Майка Йогансена в «Чтеце - декламаторе», изд-во «Червоний Шлях».

7. Украинская ярмарка. Напечатано в журнале «Красное слово», 1929.

8. Лесной разъезд. Из книги «Ночные молнии», Ленинград.

9. Червоный запев. Напечатано в «Октябрьском Сборнике», ДВУ, 1924; в журнале «Юный Пролетарий». На немецком языке в газете «Die rote Fahne», № 109, 1925, Берлин. Положено на музыку композитором Б. Яновским. На украинском языке в переводе В. Сосюры, журнал «Нова Громада», 1925.

10. Твоих тишин... Из «Книги Марии - Зажги - Снега».

11. А выйдешь пространствами ночи... Из той же книги.

12. Еще гроза... Из «Книги Марии - Зажги - Снега», 1920. На украинском языке в переводе В. Сосюры, сборник «Сніги», ДВУ.

13. Ночь на Донце Из «Книги Марии - Зажги - Снега», 1920. Печатается в первоначальном варианте.

14. Примечания к украинской степи. Первый вариант стихотворения напечатан в журнале «Звезда», 1930.

15. Лицом к весне. Напечатано в «Книге Марии - Зажги - Снега», П. 1920.

16. Голос стиха. Напечатано в журнале «Звезда». Л - д, 1928.

17. Встреча с жизнью. Напечатано в «Однодневной Литературной Газете» Федерации Советских Писателей, Л - д, 1928. Вошло в книгу «Ночные молнии».

18. Посвящение. Напечатано в сборнике «Гермес», Киев, 1919. Вошло в «Книгу Марии - Зажги - Снега».

19. Ленинград. Напечатано в журнале «Новый Мир», 1928. Вошло в книгу «Ночные молнии». В переводе на немецкий язык напечатано в журнале «Der Sturm», 7-8, Berlin, 1925.

20. Петроград. Из книги «Ночные молнии».

21. Нет, в имени дивуньи золотой... Напечатано в «Книге Марии - Зажги - Снега», 1920.

22. «Морской разговор». Напечатано в журналах «Красная Нива», 1927 и «Ленинград». Вошло в книгу «Ночные молнии». Написано на пароходе — Гамбург - Куксгафен.

23. История одного вечера. Напечатано в журнале «Красная Нива», 1927 и газете «Накануне», Берлин.

24. Первая гроза. Напечатано в сборнике «Лиренб», Москва, 1920 и в журнале «Эхо», Москва. Вошло в книгу «Ночные молнии».

25. Урал на экране.— Напечатано в газете «Смена», Ленинград, июнь, 1928. Вошло в книгу «Ночные молнии».

26. Перед тем, как ты встаешь... Впервые напечатано в книге «Поросль солнца».

27. Как на охоте за солнцем... Из книги «Ночные молнии».

28. Над тишиною, станицами весен... Из книги «Ночные молнии».

29. Ранний апрель.— Напечатано в журнале «Юный Пролетарий», 1928. Вошло в книгу «Ночные молнии».

30. Рисунок деревенский — Напечатано в журнале «Октябрьские Восток» 1924. На украинском языке — в переводе В. Сосюры, под названием «Фарби ранку», сборник «Сніги», ДВУ, 1925. Вошло в книгу «Ночные молнии».

31. Походный ветер. Напечатано в журнале «Эпопея», Берлин, 1923.

32. Мы мучимы припоминаньем... Из книги «Ночные молнии».

33. Крымская гроза. Напечатано в журнале «Звезда», 1927. Переведено на украинский язык В. Сосюрой — («Сніги»). Вошло в книгу «Ночные молнии».

34. И вы, изумительные степи... Из книги «Ночные молнии».

35. Морская.— Напечатано в журнале «Прожектор», № 27, 1928 и в газете «Красный Крым». Вошло в книгу «Ночные молнии». Черноморские маневры. Тарханкут.

36. Зима. Напечатано в журнале «Красное слово», 1929. Книга «Ночные молнии».

37. «Воробьиная ночь». — Напечатано в журнале «Звезда», 1927. Переведено на украинский язык В. Сосюрой, сборник «Сніги» и альманах «Гольфштром», 1925, ДВУ.

38. Крутые годы.— Напечатано в журнале «Красное слово», 1928. Вошло в книгу «Ночные молнии». Отрывок из поэмы.

39. Дикое цветенье. — Из «Книги Марии — Зажги — Снега».

40. Рубеж весны. Напечатано в журнале «Огонек», 1923. Первый вариант в книге «Поросль солнца», 1918.

41. «Поросль солнца». Напечатано в «Сборнике Нового Искусства», 1919.

42. Узор сна.— Из книги «Поросль солнца».

43. Когда б от веющих окраин.— Из книги «Поросль солнца» 2-ое изд. 1922.

44. Первоосенье. Напечатано в «Сборнике Нового Искусства», изд. НКП Украины, 1919. Переве-

дено на український язык Дм. Загулом.— Григорій Петніков — «Поезії», в - во «Цех каменярів», 1920.

45. Pont du saugoussel — Из «Книги образов». Печатається вперше.

46. Евпаторійські стихи. Напечатаны в журнале «Красное слово», 1930.

47. Уральская записк. — Напечатано в журнале «Красная Панорама», 1929.

48. Октябрь на Неве. — Из поэтической хроники. Написано в декабре 1917; «5» — в 29. Напечатано в газете «Смена», Л - д. 1928. Переведено на український язык В. Сосюрой — сборник «Сніги» и альманах АСКК «Гольфштром», ДВУ, 1925.

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА

Быт побегов, и-во «Лиренб», Москва, 1918.
Поросль солнца, Москва, 1918. 1922, 2-ое изд. Ленинград.

Книга Марии-Зажги-Снега, Ленинград, 1920.

Ночные молнии, и-во «Academia», Ленинград, 1928.

Молодость мира.

Молодая Германия. Антология немецкой поэзии XX века, Госиздат Украины, 1926.

Поезії, Видавництво «Цех Каменярів», 1920.

Переводы

Новалис. Фрагменты, Москва, 1914.

Новалис. Ученики в Саисе, 1920.

Штернгейм. Хроника XX века, новеллы, «Всемирная Литература», Л-д, 1928.

Гейнрих Клейст. Новеллы, т. I, Михаэль Кольтгаас, «Academia», 1928.

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

Предисловие	1
Глава I. Введение	2
Глава II. Основы	10
Глава III. Методы	15
Глава IV. Результаты	25
Глава V. Заключение	35
Глава VI. Литература	40
Глава VII. Приложение	45
Глава VIII. Заключение	50
Глава IX. Заключение	55
Глава X. Заключение	60
Глава XI. Заключение	65
Глава XII. Заключение	70
Глава XIII. Заключение	75
Глава XIV. Заключение	80
Глава XV. Заключение	85
Глава XVI. Заключение	90
Глава XVII. Заключение	95
Глава XVIII. Заключение	100
Глава XIX. Заключение	105
Глава XX. Заключение	110
Глава XXI. Заключение	115
Глава XXII. Заключение	120
Глава XXIII. Заключение	125
Глава XXIV. Заключение	130
Глава XXV. Заключение	135
Глава XXVI. Заключение	140
Глава XXVII. Заключение	145
Глава XXVIII. Заключение	150
Глава XXIX. Заключение	155
Глава XXX. Заключение	160

GOVERNMENT OF THE STATE OF TEXAS

THE COMMISSIONERS OF THE GENERAL LAND OFFICE

DO HEREBY CERTIFY THAT

THE FOLLOWING IS A LIST OF THE

LANDS BELONGING TO THE STATE OF TEXAS

AS OF THE FIRST DAY OF JANUARY, 1900

AND ARE THE SAME

THE LANDS BELONGING TO THE STATE OF TEXAS

AS OF THE FIRST DAY OF JANUARY, 1900

AND ARE THE SAME

THE LANDS BELONGING TO THE STATE OF TEXAS

AS OF THE FIRST DAY OF JANUARY, 1900

AND ARE THE SAME

THE LANDS BELONGING TO THE STATE OF TEXAS

AS OF THE FIRST DAY OF JANUARY, 1900

AND ARE THE SAME

THE LANDS BELONGING TO THE STATE OF TEXAS

AS OF THE FIRST DAY OF JANUARY, 1900

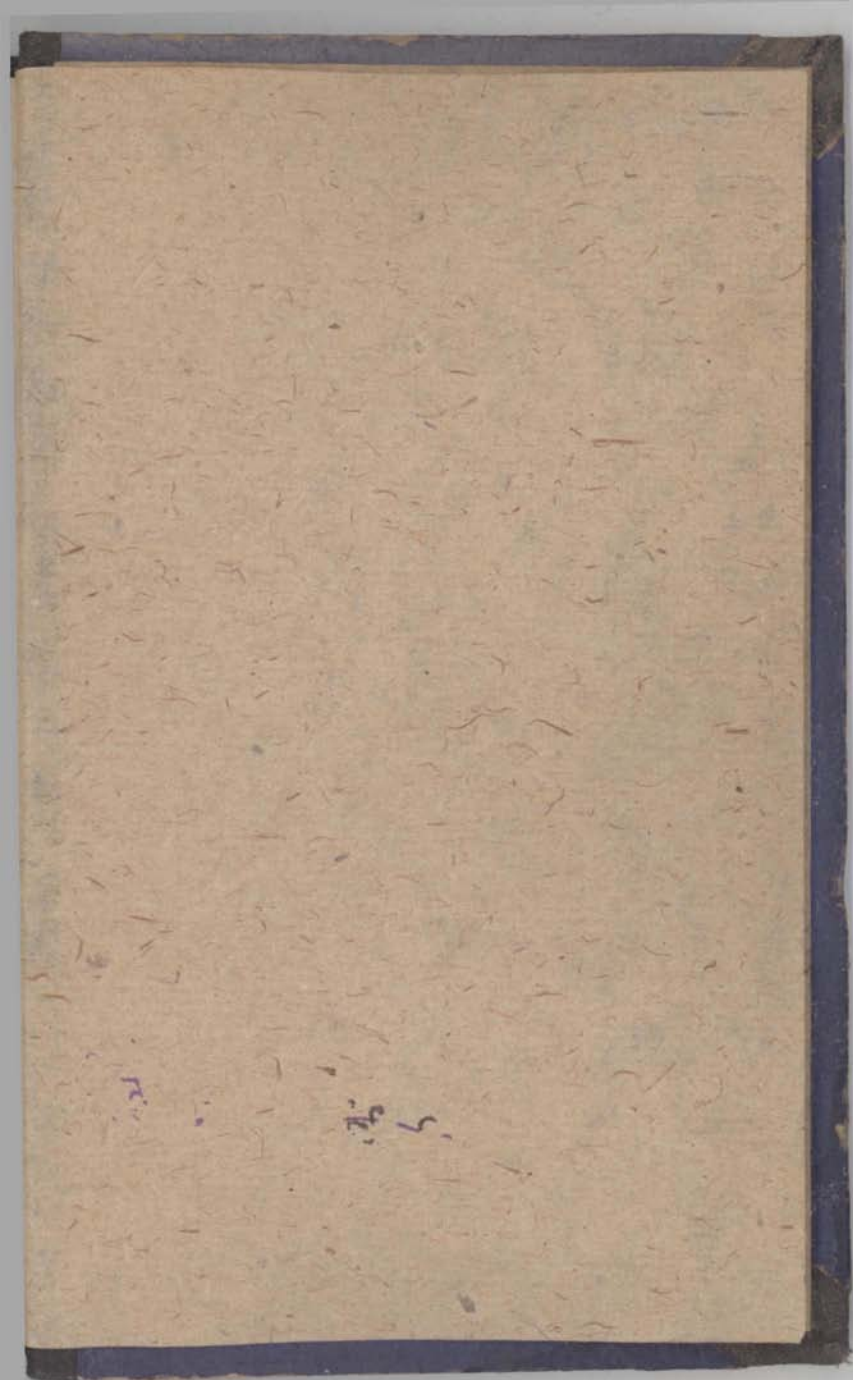
AND ARE THE SAME

	Стр.
Молодость мира	5
Гудки в Стеклянном городке	7
Черновики стиха	9
Рисунок углем	11
Из походной тетради	13
Пути, которые мы избираем	14
Революция	15
Украинская ярмарка	16
Лесной разъезда	20
Червонный запев	21
Твоих тишин	22
А выйдешь пространствами ночи	23
Еще гроза	24
Ночь на Донце	25
Примечания к украинской степи	26
Лицом к весне	29
Ночные молнии	31
Голос стиха	33
Встреча с жизнью	36
Посвящение	37
Ленинград	38
Петроград	39
Нет, в имени дивуньи золотой	40
Морской разговор	41
История одного вечера	43
Первая гроза	45
Урал на экране	46

	Стр.
Перед тем, как ты встаешь	51
Как на охоте за солнцем	52
Над тишиною	54
Ранний апрель	55
Рисунок деревенский	56
Походный ветер	57
Мы мучимы припоминаньем	58
Крымская гроза	59
И вы, изумитые степи	61
Воробьиная ночь	63
Морская	65
Зима	68
Воробьиная ночь	70
Крутые годы	72
Дикое цветенье	77
Рубеж весны	78
Из книги «Поросль солнца»	79
Узор сна	80
Когда б от веющих окраин	81
Первоосень	82
Слепец, стоящий на мосту	83
Евпаторийские стихи.	84
Уральская запись	86
Октябрь на Неве	88
Примечания к стихам	93

3802

10-00

1/22

